

Шестопал Сергею Станиславовичу,
кандидату юридических наук, доценту кафедры
теории и истории российского и
зарубежного права)

Мамычеву Алексею Юрьевичу, доктору
политических наук, кандидату юридических
наук, профессору кафедры теории и истории и
российского и зарубежного права

*Владивостокский государственный
университет экономики и сервиса*

*(690014, Россия, Владивосток, Гоголя 41, e-
mail: mamychhev@yandex.ru)*

СПРАВКА

Ваша статья на тему «Суверенитет в глобальном цифровом измерении: современные тренды» принята к публикации в мартовском 1(30) номере 2020 года.

Ответственный секретарь

журнала «Балтийский гуманитарный журнал» *Шмелёва Г.А. Шмелёва*

18.12.2019 года

УДК 342

DOI:

СУВЕРЕНИТЕТ В ГЛОБАЛЬНОМ ЦИФРОВОМ ИЗМЕРЕНИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ.

© 2019

ResearcherID: M-4823-2016

Scopus Author ID: 57093961500

ORCID: 0000-0002-8490-2006

Шестопал Сергей Станиславович, кандидат юридических наук, доцент кафедры Теории и истории российского и зарубежного права.

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

(690014, Россия, Владивосток, ул. Гоголя 41, e-mail: ss.shestopal@yandex.ru).

ResearcherID: Q-5694-2019

ScopusID: 56613375000

ORCID: 0000-0003-1325-7967

Мамычев Алексей Юрьевич, доктор политических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры теории и истории и российского и зарубежного права

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

(690014, Россия, Владивосток, Гоголя 41, e-mail: mamychev@yandex.ru)

Аннотация. В данной статье авторами рассматривается понятие суверенитета, в применении к «цифровой» реальности. Понятие «суверенитет» все чаще используется в последние годы для описания различных форм независимости, контроля над цифровыми инфраструктурами и их автономия, технологии и их содержания. Хотя понятие «суверенитет» сегодня обретает новое значение в цифровых дискурсах и связанной с ними научной литературе, предварительный анализ показывает, что, хотя это понятие сегодня используется для утверждения некоторой формы коллективного контроля цифрового контента или инфраструктуры, интерпретация, предмет, значения и определения суверенитета могут существенно различаться. Сделана попытка частичного обзора литературы, касающейся понятия «Суверенитет» в отношении цифровых технологий и инфраструктур. Анализ в основном сосредоточен на зарубежной научной литературе, однако, в виду стремительного развития цифровизации, для того чтобы обеспечить более широкий взгляд на предмет необходимо изучить научно-популярные источники. Рассмотрены такие теоретические вопросы: использования термина «суверенитет», в отношении к цифровым данным, контенту или инфраструктуре. Соотношение с традиционным представлением о суверенитете национального государства и к таким категориям, как социальная справедливость, автономия или коллективное управление. Какими признаками дополняется понятие суверенитет в современных цифровых дискурсах и нашем понимании автономии или коллективном управлении?

Ключевые слова: Суверенитет, цифровое пространство, автономия, самоуправление, права человека, цифровизация.

SOVEREIGNTY IN THE GLOBAL DIGITAL SPACE: CURRENT TRENDS.

© 2019

Shestopal Sergey Stanislavovich, PhD in Law sciences, associate professor of the Department of Theory and History of Russian and international law

Vladivostok State University of Economics and Service

(690014, Russia, Vladivostok, Gogolya 41, e-mail: ss.shestopal@yandex.ru).

Mamychev Aleksei Yurievich, doctor of political sciences, candidate of legal studies, professor

Vladivostok state university of economic and service

(690014, Russia, Vladivostok, Gogolay st. 41, e-mail: mamychev@yandex.ru)

Abstract. In this paper, we are interested in the notion of sovereignty as it is applied to “the digital.” Indeed, the notion of “sovereignty” has increasingly been used in recent years to describe various forms of independence, control and autonomy over digital infrastructures, technologies and contents. Although the notion of “sovereignty” seems to gain significance in digital discourses and associated scholarly literature, our preliminary analysis shows that while this notion is generally used to assert some form of collective control of digital content and/or infrastructures, the interpretation, subject, means and definition of sovereignty can significantly differ.

Keywords: Sovereignty, digital space, technological sovereignty, autonomy, self-government, human rights, digitalization, globalization.

Теоретические основы: понятие суверенитета. Необходимо кратко рассмотреть понятие суверенитета, как оно было сформулировано в классической политико-правовой парадигме и как данный концепт в последнее время трактуется в различных дискурсах, которые естественно отличаются от его применения в цифровом мире. Далее представлены возможные средства и методы, с помощью которых «технологический суверенитет», на взгляд авторов, может быть концептуализирован в научном дискурсе.

Современный подход к концепту суверенитета сформирован в работах Макиавелли, Бодена и Гоббса как способ концептуализации верховной власти над политическим образованием. Эта концепция использовалась на западе в основном до XX-го века, чтобы отражать значение высшей власти на определенной территории. В данном контексте, стэнфордская энциклопедия определяет четыре «ингредиента» для суверена: 1) он обладает властью; 2) эта власть вытекает «из некоего взаимно признанного источника легитимности, которым может быть Бог, конституция или наследственный закон; 3) эта власть является высшей; 4) эта власть над территорией. Территориальное измерение суверенитета в современных условиях продолжает формировать международные отношения [1]. В частности, понятие государственного суверенитета, или вестфальского суверенитета, относится к верховной власти руководящего органа (будь то монарх или конституционно избранное собрание) над территорией и внутренними делами государства без вмешательства со стороны внешней власти. Иногда верховная власть может быть ограничена международным или региональным договором, или планетарными вызовами, такими как изменение климата или глобальные пандемии, в этих ситуациях верховная власть может быть ограничена. Эта ситуация осложняется все более тесной взаимозависимостью государств и проблемами, которые затрагивают всех нас.

Однако, борьба за экономические ресурсы в XX веке вносит свои коррективы и, как отмечает Дункан Холлис [2], понятие «территория» в современном мире уже не должен быть ограничен определённой массой суши и моря, но определяется, ресурсами, расположенными на территории, такими как человеческая инфраструктура, воздушное пространство или полезные ископаемые в недрах суши или в прилегающем море [2]. Филипот [1] также отмечает, что, хотя территориальность, почти полностью воспринимаемая как само собой разумеющееся в связи с суверенитетом, в прошлом для определения суверенитета использовались другие принципы, такие как родство, религия, племена и феодальные связи. По его мнению, суверенитет странствующего племени связан не столько с территорией, сколько с родственными узами. «Территориальная концепция суверенитета - то, что мы называем в этом документе «Государственный суверенитет», - это концепция, основанная на европейской современной (классической) политике» [1].

Сегодня концепция суверенитета приобретая расширенную трактовку, распространяется в направлениях, которые проистекают из более ранних дефиниций суверенитета и суверенных права, что оказывает влияние на различные способы концептуализации цифрового/технологического суверенитета. Появляются новые концепты категории суверенитет, например, категория «пищевой суверенитет» была институционализирована в международной политико-правовом пространстве в 1996 году усилиями движения *La Via Campesina* [3, 4, 5], выступавшем за право каждого государства и каждой организации определять собственную сельскохозяйственную политику в соответствии с её национальными интересами, а затем закреплена на Межнациональный Форум *Néleń*, проводившийся в малайской деревне Селингвэ с 23 по 27 февраля 2007 г., как «право народов на здоровую и культурно приемлемую пищу, произведённую экологически безопасными и устойчивыми методами, и их право определять свои собственные продовольственные и сельскохозяйственные системы» (известная как Декларация Ниелени 2007 года)[6]. Подобные понятия, такие как «энергетический суверенитет», также используются в отношении продовольственного суверенитета для решения вопросов устойчивых и локально контролируемых средств производства [7]. Понятие цифровой суверенитет, как мы покажем позже, может сравниваться некоторыми субъектами с подобными концептуализациями суверенитета.

Распространенная на западе концепция «суверенитета тела» также используется некоторыми социальными движениями (например, феминистскими [8]) активисты и даже исследователи, стремятся «восстановить» право на свое собственное тело Мерфи пишет, что «оно было задумано как утверждение суверенитета над собой - самообладания, осуществляемого на практике» [8, 35]. Таким образом, суверенитет тела относится здесь к абсолютной власти индивидов определять и управлять своим собственным телом.

Более поздние работы критически относятся к использованию понятия суверенитета. В рамках выпуска «Культурная антропология», посвящённого этому понятию, так в своей работе «Unsettling sovereignty» Бонилья [9] отмечает, что в последнее время суверенитет стал важной аналитической структурой или объектом изучения в гуманитарных и социальных науках, и его можно охарактеризовать как «поворот суверенитета». в этих дисциплинах, которые следуют за старым «глобальным поворотом». Она утверждает, что, политическая категория суверенитета связана с насилием и неравенством. Бонилья пишет, что концепция суверенитета использовалась для притязания на земли так называемых несuverенных людей, то есть тех, кого колонизаторы посчитали нецивилизованными. Именно благодаря доктрине *terra nullius* местные общины в процессе колонизации Нового Света были лишены своих земель или заключены договоры с местными жителями [8, 9]. Концепция вестфальского суверенитета не признавала суверенитет коренных народов на их земле, а считалась «ничьей землей», которая может быть приобретена оккупацией. Суверенитет в этом контексте использовался для колонизации, изгнания и принижения коренных народов. Хотя концепция позже будет использована и востребована подчинёнными населенными для антиколониальных движений, важно помнить, что сама категория не является нейтральной и что подобная практика в отношении коренных народов, закодирована в современных рамках международных отношений, следовательно, и в самом понятии суверенитета. Неоднозначность между колонизацией и суверенитетом ставит вопрос о том, кому принадлежит право определять гегемонистскую концепцию суверенитета, по каким причинам и как она применялась. Для нашего анализа это также поднимает вопрос доктринального характера: кто определяет технологический суверенитет и для какой цели он уместен? Разные перспективы и интерпретации понятия суверенитета дают представление о том, что сегодня понимается под технологическим суверенитетом.

Подходы к интерпретациям технологического суверенитета. Предлагаем определить пять ключевых парадигмальных оснований, позволяющих раскрыть множественность подходов к категории технологического суверенитета: *государственный и национальный технологический суверенитет; общественные движения и технологический суверенитет; локальный (национальный) технологический суверенитет; персональный технологический суверенитет; технология как средство реализации суверенитета.* Эти составляющие факторы, хотя и не являются исчерпывающими, однако выдвигают на первый план некоторых из ключевых акторов (государство, общественные движения, коренные народы, личность и т. д.) и вопросы, необходимые для раскрытия концепции технологического суверенитета, и позволяют нам всесторонне раскрыть, множественность подходов к данному вопросу.

Государственный и национальный технологический суверенитет. Концепция технологического суверенитета, наиболее обсуждаемая сегодня в «пост-Сноуденском» мире, при анализе межгосударственных отношений. Источники данной группы можно разделить на две категории: 1) Нормативные документы, которые регламентируют государственный контроль инфраструктуры, данных и потоков информации; 2) Аналитические работы, описывающие трансформационные процессы государства и, соответственно, государственного суверенитета в отношении цифрового измерения.

Наиболее ранние попытки определения технологического суверенитета встречается в начале 1980х годов, опубликовано в Австралийском издании. Пол Грант, автор работы «Технологический суверенитет: забытый фактор хай-тека» [10] определяет технологический суверенитет как «способность и свободу выбирать, генерировать или приобретать и применять, строить и эксплуатировать коммерчески технологии, необходимые для промышленных инноваций» [10, С. 239]. Хотя автор не оспаривает суверенитет государственной власти он указывает, что понятие суверенитета может применяться также и к частной компании. Понятие технологического суверенитета по П. Гранту определяется в двух измерениях: «свобода разрабатывать или эксплуатировать приобретённые технологии», что означает отсутствие юридических ограничений и «способность реализовывать такую задачу».

В более широкой трактовке, данную категорию можно отнести к международным усилиям по созданию технологии, направленных на уменьшение американского контроль и надзор за высокотехнологическими системами, в том числе контроля над сетью интернет. После разоблачения систем массового наблюдения Э. Сноуденом и Wikileaks, многие страны пытаются защитить свой суверенитет и суверенитет своих граждан посредством как принятия соответствующих нормативно-правовых актов (например, так называемый закон «О суверенном интернете»), так и разработки «национальных» технологий, направленных на противодействие подобным вызовам. Многие страны предпринимают усилия по обеспечению реализации суверенных прав: в Германии после скандальной информации о прослушке со стороны США телефонных разговоров и почтовой переписки Ангелы Меркель, существенные усилия предпринимают не только Россия, но и Бразилия, и Канада по созданию точек обмена Интернет-трафиком для перенаправления интернет-трафика в обход территории США, что в свою очередь может быть предметом для принятия американских санкционных законов.

Данная ситуация приводит к тому, что представители многих государств (в том числе и России) настаивают на распространении принципа государственного суверенитета на различные сферы вычислительной техники и телекоммуникаций, и последовательно настаивают на необходимости противодействия гегемонии иностранных государств (особенно США) в этом секторе.

Авторитетным французским исследователем цифрового суверенитета (*souveraineté numérique*) является Пьер Белланже, опубликовал множество очерков о цифровых технологиях [11, 12, 13, 14]. Белланже определяет цифровой суверенитет как «контроль нашего бытия и нашей судьбы во время самореализации и использования технологий и компьютерных сетей» [14]. Белланже предлагает такой же подход к рассмотрению концепта «цифрового суверенитета» как и П. Грант. Констатируя факт отсутствия контроля во Франции над развитием цифровых технологий, что он оценивает, как потерю суверенитета государства. Потеря суверенитета происходит не только в экономическом плане (например, потеря работы и промышленная «отсталость»), но также относится к обеспечению безопасности нации, учитывая обязанность государства гарантировать конфиденциальность общения граждан. Другими словами, суверенитет Франции в экономическом плане эквивалентен суверенитету национального государства в сфере цифровых технологий. Автор статьи С. Кутюр [15] настаивает на том, что использование бесплатного программного обеспечения с открытым исходным кодом государствами и правительствами является способом обеспечения контроля над его информационной инфраструктурой и позволит обеспечивать суверенные права государства в этой сфере, уменьшая зависимость от частных корпораций. Данный подход также используется политическими лидерами, настаивающими на необходимости преодоления технологической зависимости от иностранных государств.

Другим показательным примером является случай Бразилии, когда после откровений Сноудена бывший президент Дилма Руссо предложила план по выводу бразильского Интернета из-под влияния США и их технологических гигантов. Данное намерение было охарактеризовано некоторыми аналитиками как способ утверждения и закрепления цифрового суверенитета. В Канаде Обар и Клемент [16] призвали к повторному утверждению суверенитета канадской сегмента интернета, путём улучшения инфраструктуры с целью уменьшения маршрутизации данных через Соединённые Штаты. Они отмечают, что национальному

суверенитету угрожает ситуация «когда в противном случае международно независимое государство имеет свои права и полномочия по внутреннему регулированию и контролю, нарушенному вторжением иностранного органа» [16, С.1]

В статье, опубликованной в 2015 году [17], Е. Морозов утверждает, что концепция технологического суверенитета может стать одной из наиболее важных и противоречивых проблем. Он отметил, что усилия таких стран, как Китай и Россия по утверждению суверенитета через Интернет, имеют серьёзные последствия с точки зрения контроля и цензуры. Он также обратил внимание на лицемерие со стороны США в том, что, хотя они осуждают действия этих государств, контроль Соединённых Штатов над интернетом и технологическими инструментами стал гегемонистским.

Группа Индонезийских ученых предложили в своей работе «На встречу суверенитету данных в киберпространстве» [18] предложили новый термин «суверенитет данных», чтобы описать «обоснованные усилия национальных государств по подчинению потоков данных представляющих национальный интерес национальной юрисдикции, заставляя проходить их через территорию государства» [18, С. 465]. Рассматривая случай Индонезии, они пишут, что, хотя термин «суверенитет данных» явно не используется в официальных индонезийских текстах, на него ссылаются многие статьи законодательства, особенно касающиеся вопросов государственной безопасности. Авторы предлагают различные меры по обеспечению суверенитета данных - такие как «шифрование, национальные почтовые службы, локализация центров обработки данных, национальная маршрутизация интернет-трафика и национальная инфраструктура магистральной связи» [18, С. 465].

В работе «Интернет с характеристиками БРИКС: суверенитет данных и балканизация Интернета» [19] авторы Д. Полатин-Рувим и Дж. Райт исследуя суверенитет данных определяют его как «попытку национальных государств подчинить потоки данных национальным юрисдикциям» [19, С. 1]. Суверенитет данных - это «всеобъемлющий термин», ставший предметом международной дискуссией после откровений Сноудена [19, С. 2]. Различают два полюса суверенитета данных - слабый суверенитет и сильный суверенитет - между которыми существуют следующие подходы: «Слабый суверенитет данных» относится к «инициативам по защите данных частного сектора с акцентом на аспекты суверенитета данных в области цифровых прав и обеспечения информационной безопасности граждан» [19, С. 1], а сильный суверенитет данных «поддерживает подход, основанный на акценте на обеспечении национальной безопасности» [19, С. 2] Авторы подробно анализируют соответствующие подходы к «суверенитету данных», принятых в странах БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка), указывая, что Бразилия, Индия и Южная Африка придерживаются подхода слабого суверенитета, в то время как Китай и Россия выступают за укрепление суверенитета. По мнению авторов, сильный суверенитет данных несет в себе риски «балканизации» Интернета (фрагментация Интернета в различных автономных сетях), его весьма сложно обеспечить, а его реализация может иметь негативные экономические и политические последствия, привести к изоляции страны как в цифровом, так и в территориальном пространстве.

Общественные движения и технологический суверенитет. Понятие технологического суверенитета также используется для обозначения автономии социальных движений в отношении технологий и особенно их способности разрабатывать и использовать инструменты, разработанные ими и / или для них. Эта перспектива представляет собой разрыв от подходов «государственного суверенитета», описанных выше. Это подтверждает необходимость коллективного (а иногда и индивидуального) контроля над технологиями и цифровой инфраструктурой, в частности, путем использования бесплатного программного обеспечения с открытым исходным кодом. В сборнике конференции под редакцией Алекса Хаше «Технологический суверенитет» [21] авторы проводят анализ подходов и определений различных европейских исследователей пытаясь вывести свою дефиницию данного концепта. Так Ричард Столлман (Richard Stallman), основатель движения свободного программного обеспечения, использует понятие «вычислительный суверенитет» (*souveraineté informatique*) для обозначения обязанности государственных служб «сохранять полный контроль» над своими вычислительными задачами в интересах граждан, настаивая на том, что этот контроль никогда не следует оставлять частным предприятиям [21, С 21]. Представители различных общественных движений, образованных на стыке IT технологий, хакерства и даже феминизма понимают технологический суверенитет как способность людей устанавливать свои собственные правила, противодействуя растущим предписаниям и условиям обслуживания, разработанным крупными частными компаниями без особой прозрачности и демократической легитимации. Другие восходят к истории хакеров, считают технологический суверенитет, интерпретируется как «суверенитет автономных социальных движений, как технология, которая не контролируется государством или капиталом» [21, С. 47].

Вышеупомянутые авторы, за исключением Столлмана, рассматривают технологический суверенитет как форму технологической независимости от частных предприятий, но также и от государства, что резко контрастирует с предыдущими точками зрения, которые были в большей степени ориентированы на политику.

Ещё одна часть работ, поддерживающих интерпретацию технологического суверенитета общественных движений, - сборник под редакцией Тристана Нито «Цифровизация: восстановление контроля» [22] (*Numérique: Reprendre le contrôle*) – в этой публикации подчёркивается известный факт, что данные, которые мы размещаем с использованием корпоративных цифровых сервисов, таких как Facebook, Google и тому подобное, не принадлежат нам. Скорее, это принадлежит компании, которая предоставляет услугу. Таким образом, пользователь поставлен в рамки, когда он должен лишиться созданного им контента в пользу сторонних лиц.

Размышляя о технологическом суверенитете, автор выдвигает на первый план возможность появления новых парадигм, которые, изменят отношение к цифровому миру и вернут нам контроль над ним. «Быть суверенным по отношению к своим личным данным - значит обрести независимость и свободу» [22, С.3].

Понимание текущего цифрового состояния и его материальности поможет пользователю действовать и определять персональную принадлежность своим технологиям, данным и контенту. Пользовательская конфиденциальность в контексте технологического суверенитета не должна означать полного отказа от технологии или услуг, предоставляемых техническими гигантами, скорее она означает, необходимость научиться защищать себя от незаконности.

Быть суверенным также означает не быть во власти технических проектов, которые могут в конечном итоге закрыться, прекратить свое существование. Например *блокчейн* - децентрализованная база данных, где его децентрализованная функция обеспечивает большую независимость, чем централизованные сервисы (такие как Facebook или Google). Более того, хотя никто не контролирует блокчейн, никто не может изменить его. Предполагается, что это и есть настоящий суверенитет [22, С.81]. Пользователи готовы к новому дискурсу, который требует переосмыслить текущую цифровую экологию. Благодаря могуществу технических корпораций, государства больше не могут поддерживать безопасность своих граждан в цифровом пространстве, поэтому на них следует возложить ответственность за создание собственного цифрового суверенитета.

Местный (национальный) технологический суверенитет. В настоящее время некоторые учёные - представители коренных народов используют концепцию суверенитета для обоснования необходимости своего контроля над своими ресурсами и информацией, касающейся регионов обитания. В последние годы вышел ряд статей и книг, использующих терминологию суверенитета на стыке проблем цифровых технологий и вопросов самоопределения коренного населения. Тейлор и Кукутай [23] предлагают вынести на повестку дня «Цифровой суверенитет данных коренных народов», где коренные народы имеют права в отношении сбора, владения и использования, данных касающихся их истории, культуры, традиций и прочего. В том же духе Использование этой терминологии авторами в отношении проблем коренных народов основывается на более широкой борьбе коренных народов за восстановление суверенитета над своей землёй, телом, духом, а теперь и технологиями, и их производными. В целом, технологический суверенитет коренных народов относится к вопросам повторного получения данных и технологий, и их права собственности. Этот тип суверенитета включает в себя владение радиочастотами, цифровыми данными и цифровыми технологиями с конкретной целью - восстановления суверенитета, самоуправления, самоопределения и деколонизации.

Персональный технологический суверенитет. Эта категория относится к контролю человека над его данными, устройствами, программным обеспечением, аппаратными средствами и другими технологиями, включая репродуктивные технологии. Говоря о личном технологическом суверенитете, представляется, что одно из наиболее распространённых понятий относится к вопросу конфиденциальности. Вопрос конфиденциальности стал важной битвой для организаций таких как Фонд Электронных Рубежей (англ. Electronic Frontier Foundation, EFF) и различных полулегальных и нелегальных движений (таких как различные хакерские группы и объединения). Именно в этом контексте продвижение и рост числа зашифрованных инструментов для масс (Signal, Telegram, WhatsApp и т.д.) стало важным направлением деятельности хакерских сообществ. Использование шифрования может быть понято через призму личного технологического суверенитета в том смысле, что оно позволяет иметь точное понимание сохранения права собственности на содержание своих разговоров/данных передаваемым другими лицами, по средствам цифровых технологий.

Технология как средство суверенитета. В недавней научной работе была предпринята попытка переосмыслить или подтвердить само понятие суверенитета в контексте все более сложных отношений между сетями и местами. В своей книге «Stack: о программном обеспечении и суверенитете» Браттон [24] развивает концептуальный анализ взаимосвязи между программным обеспечением и суверенитетом. Для Браттона вычислительные инфраструктуры планетарного масштаба, которые он называет «Stack», вступают в противоречие со средствами установления суверенитета национальных государств Вестфальского мира. Он показывает, например, как война за изменяющуюся виртуальную границу почти началась, когда Карты Google решили немного сместить границу между Никарагуа и Коста-Рикой в 2010 году, также можно привести в пример претензии к корпорации Google со стороны Украины по поводу указания границы с Республикой Крым в 2015 году. Уход от горизонтальных подразделений пространства (выраженных национальными законами, валютами и т. д.) он видит, что новая управляющая логика Stack действует вертикально через набор слоев - которые он называет Земля, облако, город, интерфейс, адрес и пользователи) - которые, в свою очередь, действуют по-своему суверенным образом.

Возражая этому аргументу, Ху Тонг-Хуэй в «Предыстории облака» [25] утверждает, что суверенитет национальных государств подтверждается в цифровой форме, когда они используют свою прерогативную силу для ограничения доступа в Интернет для населения. Война в Сирии приведена в качестве примера, чтобы подчеркнуть поворот к ретерриториализации интернета: национальные государства имеют право контролировать, работает интернет или нет. Более того, он используется для демонстрации того, в какой степени «краудсорсинг» в контексте войны может использоваться для укрепления суверенитета. Для этого он использует тематическое исследование американских радиочастотных хакеров, которые использовали открытые данные в Интернете, чтобы помочь НАТО найти уязвимые места, для нанесения бомбовых ударов в ходе ливийской военной интервенции НАТО 2011 года.

В то время как эти две концепции различаются в своем анализе, их общая основа - технология как средство обеспечения суверенитета. Технология не является объектом суверенитета, а скорее средством будущего суверенитета.

Технологический суверенитет: общность понятий и различия в толковании. Концептуализация технологического суверенитета варьируется в зависимости от состава участников. Далее мы определили ряд общих черт характерные для различных концепций:

- Концепция технологического суверенитета используется отдельными лицами, гражданскими обществами и государством, чтобы выразить свою оппозицию различным видам гегемонии, будь то гегемония США или гегемония корпораций. Точнее говоря, технологический суверенитет строится как противостояние гегемонистской власти, а именно США и, в более современной работе, их крупнейшим частным технологическим компаниям; в частности, GAFAM (Google, Amazon, Facebook, Apple, Microsoft).

- Понятие технологического суверенитета соотносится с понятием автономии двумя способами: 1) способностью к инновациям и/или участию в технологическом развитии (путём разработки свободного программного обеспечения и т. д.), 2) обеспечением безопасности и/или конфиденциальности отдельных лиц или коллективов (например, конфиденциальность по замыслу).

- Концепция технологического суверенитета используется для концептуализации форм «подспудных, низших» перспектив. Это подводит к вопросу о том, почему американские акторы, не ведут дискурс в русле технологического суверенитета. Хотя движение за свободные и открытые исходные коды, в дополнение к хакерской перспективе, воплощает такую позицию в их практике, они не используют язык технологического суверенитета, так как, например, французские движения за свободный и открытый исходный код.

Цифровой суверенитет как возможность для экономики Европы. В 2016 году восьмой выпуск «Европейских дебатов» вышел с публикацией Viviane Reding, бывшей в то время Вице-президентом Европейской комиссии, комиссаром ЕС по вопросам юстиции, посвященной актуальным проблемам цифровизации в ЕС. Она затронула следующие проблемы цифрового суверенитета в Европе [26].

Цифровой суверенитет предлагает не только индивидуальную безопасность для граждан, но и возможности для европейской экономики. Европа отстаёт во многих частях цифровизации от Соединённых Штатов и некоторых районов Азии.

Для достижение этих целей необходимо создание новых областей не только в сфере информационной безопасности, но и в других важных высокотехнологичных областях экономики Европы. В политических дебатах о цифровом суверенитете преобладают экономические меры. Вопрос о мерах по обеспечению безопасности гражданина обычно решается в области научных исследованиях.

Очевидно необходимо, чтобы в цифровом суверенном государстве эта политика позволяла владельцам IT-устройств иметь единоличный контроль над ней. Технические возможности доступны в Европе, что влечёт за собой большой потенциал для её экономики. Кроме того, юридически обязательный и высокий стандарт безопасности данных может сделать Европу привлекательным бизнес-сайтом. Взаимодействуя с технологически поддерживаемой и ответственной обработкой объёма данных, Европа можем утвердиться на международном уровне в крупных интернет-корпорациях.

Цифровой суверенитет обладает безусловно высочайшим инновационным потенциалом, который должен распространяться прежде всего на экономические, а затем уже и на политические цели. Важно не только развивать и контролировать ключевые технологии и распространять криминалистическую информацию об инцидентах в области информационной безопасности, распознавать и классифицировать технологические тренды для их дальнейшего развития.

Перспективы грядущего технологического суверенитета. Данный краткий обзор показывает, что, несмотря на то, что понятие «технологический суверенитет» используется по крайней мере с начала 1980-х, последние годы были отмечены повышенным интересом к этому понятию. Одной из причин такого интереса является желание утвердить некоторую форму индивидуального и коллективного расширения возможностей контроля над цифровыми технологиями. Так, например, концепция технологического суверенитета используется различными субъектами с тем чтобы противостоять гегемонии США как ведущего государства в области надзора - известно, что в США размещены некоторые из крупнейших и наиболее влиятельных технологических компаний в мире. И хотя в прошлом эта концепция использовалась главным образом для решения вопросов государственного контроля над технологиями, в настоящее время она, по-видимому, присваивается отдельными лицами, субъектами гражданского общества, а также малочисленным группам населения, таким как коренные народы, которые используют это понятие как способ решения проблемы самоопределение. Одним из катализаторов все более широкого использования этой концепции, по-видимому, являются откровения Сноудена, которые высветили скандал массового наблюдения с соучастием влиятельных компаний Силиконовой долины.

Это более широкое использование понятия «суверенитет» в дискурсах также переключается с Бонилли [9] который ранее отмечал недавнее появление «поворота суверенитета» в гуманитарных и социальных науках.

Однако, как отмечает Бонилли, понятие суверенитета не является нейтральной категорией. Она пишет, что суверенитет глубоко укоренён в западной истории колониализма и империализма и что подтверждает воплощающийся в жизнь «проект Запада», глубоко закодированный в структурах международного права.

В случае цифровых технологий нынешний дискурс технологического суверенитета также должен быть связан с более древней метафорой «электронной границы», выдвинутой в девяностых годах [28, 29, с 172] для сравнения Интернета (тогда называемым «киберпространством») с пространством, похожим на «дикий запад», независимость которого необходимо было защитить от государственного контроля. Хотя сходство между «технологическим суверенитетом» и «независимостью киберпространства» очевидно на семантическом уровне (в отличие от идеи «киберпространственной независимости»), технологический суверенитет часто используется для утверждения государственного контроля в Интернете, а не для его отрицания. Это также позволяет провести анализ в более старом дискурсе, тесно связанным с колониальным измерением.

Так что же тогда приобретается и теряется при использовании «суверенитета», для управления Интернетом? Кто именно сегодня использует понятие «суверенитет»? Как дискурс вокруг технологического суверенитета повлияет на то, как учёные, активисты, политики и технические специалисты будут думать об управлении Интернетом? Эти и многие другие вопросы остаются существенными вызовами современного как цифрового, так и политико-правового пространства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Philpott, Daniel. 2016. "Sovereignty." In *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, edited by Edward N. Zalta. Metaphysics Research Lab, Stanford University. <https://plato.stanford.edu/archives/sum2016/entries/sovereignty/>.
2. Hollis, Duncan B. 2012. "Stewardship versus Sovereignty? International Law and the Apportionment of Cyberspace." SSRN Scholarly Paper ID 2038523. Rochester, NY: Social Science Research Network. <https://papers.ssrn.com/abstract=2038523>.
3. Mons Declaration (May 1993) // *La Via Campesina* [Official Site]. URL: <https://viacampesina.org/en/who-are-we/our-conferences/1-mons-1993/> (accessed: 08.07.2019)
4. Alonso-Fradejas A., Borrás S., Holmes T., Holt-G ménez E., Robbins M. Food Sovereignty: Convergence and Contradictions, Conditions and Challenges // *Third World Quarterly*. 2015. Vol. 36. No 2. P. 431–448.
5. Claeys P. *Vía Campesina's Struggle for the Right to Food Sovereignty: From Above or from Below? // Rethinking Food Systems: Structural Challenges, New Strategies, and the Law*. San Francisco: Springer, 2014. P. 29–38.
6. Declaration of Nyéléni i 2007. Forum for Food Sovereignty. <https://nyeleni.org/spip.php?article290>
7. Cotarelo P. et al. Defining Energy Sovereignty // *El Ecologista, Ecologistas en Acción Magazine* n 81, Summer 2014. – 2014.
8. Murphy M. *Seizing the means of reproduction: Entanglements of feminism, health, and technoscience*. – Duke University Press, 2012.
9. Bonilla Y. Unsettling sovereignty // *Cultural Anthropology*. – 2017. – Т. 32. – №. 3. – С. 330-339.
10. Grant P. Technological sovereignty: forgotten factor in the 'hi-tech' razzamatazz // *Prometheus*. – 1983. – Т. 1. – №. 2. – С. 239-270.
11. Bellanger P. *La souveraineté numérique*. – Stock, 2014.
12. Bellanger P. De la souveraineté numérique // *le Débat*. – 2012. – №. 3. – С. 149-159.
13. Bellanger P. Les données personnelles: une question de souveraineté // *Le Débat*. – 2015. – №. 1. – С. 14-25.
14. Bellanger P. *Souveraineté numérique et ordre public* // *Archives de philosophie du droit*. – 2015. – №. 58. – С. 285-296.
15. Couture S., Tremblay-Pepin S. *Logiciels libres: réduction des coûts et souveraineté numérique*. – Institut de recherche et d'informations socio-économiques, 2013.
16. Obar J. A., Clement A. Internet surveillance and boomerang routing: A call for Canadian network sovereignty // *TEM 2013: Proceedings of the Technology & Emerging Media Track-Annual Conference of the Canadian Communication Association* (Victoria. – 2012.
17. Morozov E. The rise of data and the death of politics // *The Guardian*. – 2014. – Т. 20. – №. 07. – С. 2014.
18. Nugraha Y. et al. Towards data sovereignty in cyberspace // *2015 3rd International Conference on Information and Communication Technology (ICoICT)*. – IEEE, 2015. – С. 465-471.
19. Polatin-Reuben D., Wright J. An Internet with BRICS Characteristics: Data Sovereignty and the Balkanisation of the Internet // *4th USENIX Workshop on Free and Open Communications on the Internet (FOCI 14)*. – 2014.
20. Haché A. *La souveraineté technologique* // *Mouvements*. – 2014. – №. 3. – С. 38-48.

21. Haché, Alex. 2014. "La souveraineté technologique". Souveraineté technologique. Dossier Ritimo, p. 9-15. <https://www.plateforme-echange.org/IMG/pdf/dossier-st-fr-2014-07-05.pdf>
22. Cery N., Nitot T. Numérique: reprendre le contrôle. – Lulu. com, 2016.
23. Kukutai T., Taylor J. (ed.). Indigenous data sovereignty: Toward an agenda. – Anu Press, 2016. – T. 38.
24. Bratton B. H. The stack: on software and sovereignty.(Software studies). Cambridge,(MA): MIT press – 2016.
25. Hu T. H. A Prehistory of the Cloud. – Cambridge, MA: MIT Press, 2015.
26. Philpott, Daniel. 2016. "Sovereignty." In The Stanford Encyclopedia of Philosophy, edited by Edward N. Zalta. Metaphysics Research Lab, Stanford University. <https://plato.stanford.edu/archives/sum2016/entries/sovereignty/>.
27. . Reding V. Digital Sovereignty: Europe at a Crossroads , <https://institute.eib.org/wp-content/uploads/2016/01/Digital-Sovereignty-Europe-at-a-Crossroads.pdf>.
28. Barlow, John Perry. "A Declaration of the Independence of Cyberspace." Electronic Frontier Foundation. February 8, 1996. <https://www.eff.org/fr/cyberspaceindependence>.
29. Turner, F. From Counterculture to Cyberculture: Stewart Brand, the Whole Earth Network, and the Rise of Digital Utopianism. University of Chicago Press. 2010.

Публикация осуществлена в рамках мероприятия I Дальневосточный международный форум «Роботы заявляют о своих правах: доктринально-правовые основы и нравственно-этические стандарты применения автономных роботизированных технологий и аппаратов". Мероприятие проведено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-011-20072